

Михайлова Л. Б.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/56.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 152-153. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Примечательно, что его поэзию не только любят – многие его стихи знают наизусть. На празднике их читают и профессиональные мастера художественного чтения, и люди самых разных профессий – писатели, журналисты, клубные работники, врачи, педагоги, рабочие... И, что особенно радостно, отрадно, – дети, школьники. А ведь это не случайность, не стечение обстоятельств. Это народная традиция, пришедшая к нам из стародавних времён. В научном обиходе существует даже специальный термин – «детский фольклор». За ним – целый пласт различных видов и жанров народной художественной культуры. В том числе и русской словесности, адресованный детям и нередко предназначенный для детского же исполнения. Здесь и потешки, и прибаутки, и заклички (обращения с просьбой о чём либо), и считалки, и т.д. Многое было перенято от фольклора взрослых. Так что и нынешнее участие детей в современном поэтическом празднике, таком, как в Клетине, вполне оправдано, естественно.

Юные чтецы выступают и поодиночке, и группами – представляя слушателям, так называемый, музыкально-литературный монтаж. Постоянные участники маркинского праздника – ребята из посёлка Гусь-Железный, что по соседству с деревней Клетино. Это понятно: поэт им ближайший земляк. К тому же зональная библиотека, расположенная в Гусь-Железном, их родном посёлке, носит имя Евгения Маркина.

Интересно наблюдать за тем, как повторяются в участниках современного праздника привычки и манеры наших далёких предков. Исследователи устной народной словесности неоднократно описывали, реакцию слушателей на сказку, которую рассказывал сказитель. Стоило тому забыть текст или ошибиться в какой либо детали, как тут же слушатели активно вмешивались в процесс «сказывания» – подсказывали, поправляли. Известен один из эпизодов пушкинского праздника в Михайловском, характерный для данной ситуации. Случилось, что, выступая перед пятитысячной аудиторией, цитируя «Евгения Онегина», учёный вдруг забыл текст. Положение спас старый колхозник – дочитал до конца пушкинскую строфу. Оказалось, что он знал наизусть всего «Онегина».

Нечто подобное нередко происходит и на маркинском празднике. Особенно когда читаются стихи по заявкам. Читают много. Но если кто-то из ведущих праздника не знает «заказанного» стихотворения или знает нетвёрдо, сам автор заявки свою заявку и выполнит.

Можно также провести параллель между исполнением в старину фольклорной народной драмы и обращением современного поэтического праздника к жанру театрализованных драматических сцен. Тогда, в старину, в каком-нибудь селе показывали народную драму «Лодка» или «Царь Максимилиан». Теперь, на празднике в Клетине, сельчане инсценируют поэму Евгения Маркина «Первая красавица». Традиция жива.

Народное художественное творчество органично вписывается в такое явление искусства, каким является поэтический праздник.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михайлова Л. Б.

Московский педагогический государственный университет

Мир религиозных феноменов, десятилетиями таившийся на периферии сфер общественной жизни, давно перестал быть чем-то запретным, далеким и неизвестным. Мы сталкиваемся с ним ежедневно: на страницах газет и журналов, в телевизионном эфире и видеофильмах, открывая почтовый ящик и выходя из дома на улицы города. Монахи с кружками для пожертвований, вежливые, но настойчивые агитаторы с томиком Библии в руках, споры о судьбе памятников религиозного искусства, рекламные афиши с евангельскими цитатами в вагонах метрополитена, практически криминальная хроника тоталитарных сект, море религиозной и околорелигиозной литературы, массовое увлечение оккультизмом – все это реалии сегодняшней жизни, настоятельно требующие внимания и обсуждения.

Новая социокультурная ситуация детерминирует изменения в сфере образования. Сегодня уже невозможно представить преподавание литературы, истории, культурологии, философии и целого ряда других дисциплин без обращения к религиозной проблематике. И все же, такая сложная и многоплановая сфера человеческой культуры как религия, безусловно, требует отдельного изучения. Именно поэтому одним из обязательных компонентов современной образовательной системы должно стать религиоведение – теоретическая дисциплина, принципиально несводимая к преподаванию истории отдельных конфессиональных направлений. Задача религиоведения состоит не столько в последовательном изложении богатейшей истории национальных и мировых религий (хотя это, безусловно, одна из необходимых составляющих), сколько в создании цельного образа, отражающего суть, основу вероучения и культура той или иной конфессии, ее культуuroобразующую значимость и аксиологическую направленность. Не ограничиваясь выявлением специфики и своеобразия конкретных религий, религиоведение предполагает анализ того общего, что позволяет прилагать абстрактное понятие «религия» к широкому спектру уникальных явлений, оставляющих неизгладимый след на перепутьях человеческой культуры.

Религиоведам часто приходится слышать от представителей различных конфессий упрек в том, что невозможно изучать религию и говорить о ней, находясь вне религиозного сознания и исповедания. Конечно,

человек глубоко и искренне верующий расскажет о своей религии так, как ни кто другой. Но *так* он расскажет только о *своей* религии. Задача же религиоведения в системе современного образования – предоставить объективную информацию, позволяющую ориентироваться в бескрайнем пространстве многочисленных религиозных направлений, теологических концепций, церковных организаций и внеконфессиональных форм религиозности. Методы сравнительного анализа, применяемые современным религиоведением к исследованию народностно-национальных и мировых религий – это не просто способ лучшего усвоения матричных особенностей различных религий, это еще и попытка встать на позиции «другого», увидеть мир в рамках «иного зрения». Поэтому язык религиоведения – это язык непрерывного диалога, главные черты которого – корректность и толерантность – уместны в любом общении, особенно значимы там, где затрагиваются сокровенные пласты человеческой культуры.

Многообразие форм и методов преподавания религиоведения сегодня находится между двумя полюсами: или построение курса по принципу «всем поровну, обо всем понемногу», или сведение предмета к истории и теории христианства. Отказ от таких крайностей делает возможным включение в курс религиоведения всех основных мировых, национальных и нетрадиционных религий в сочетании с принципом «равенства перед культурой». Именно этот принцип позволяет распределять учебное время в соответствии с культурно-исторической значимостью тех или иных форм религии для конкретных регионов. Таким образом, преподавание религиоведения в России в ряде случаев будет предполагать более подробное изучение христианства, в регионах традиционного доминирования ислама – естественным окажется перераспределение времени и внимания в пользу мусульманства, а в Бурятии, к примеру, – в пользу буддизма.

Изучаемое во многих специальных религиозных учебных заведениях сравнительное богословие (сам факт существования которого, к слову, служит лучшим опровержением идеи «эпистемологической непроницаемости» любой религии для тех, кто находится за ее пределами) тоже использует принцип «акцентированного внимания» и методы сравнительного анализа, но располагает их в совершенно иной плоскости.

Чаще всего сравнительное богословие опирается на принцип эксклюзивизма (от лат. «*exclusio*» – исключение), согласно которому существует лишь одна истинная религия, обладающая сокровенной тайной спасения человека. Все остальные религии – ложны. Степень их отклонения от истины может быть различной, но «еретичность» – несомненна. Именно такой подход во многом обуславливает интеллектуальную, а порой, и социальную, правовую нетерпимость по отношению к другим вероисповеданиям.

Другая модель межконфессионального анализа – инклюзивизм (от лат. «*inclusio*» — включение) допускает возможность обретения спасения с помощью разных религий, но, вместе с тем, истинными считает основополагающие утверждения лишь одной религии. Такая позиция популярна, к примеру, в католической теологии периода «аджорнаменто». (Основание – решения Второго Ватиканского Собора (1962 – 1965), согласно которым, человек может быть спасен «имплицитной верой» даже если он никогда не слышал о евангелии Иисуса Христа.)

Согласно третьему варианту – плюралистическому – Бог открывает себя в той или иной степени во всех религиях. Поэтому ни одна из них не может претендовать на уникальную истинность или нормативность, так как истинные и ложные утверждения присутствуют в каждой религии. Таким образом, при всей поливариантности подходов в рамках сравнительного богословия, общим остается одно: стремление оценить любую религию в системе «истина – ложь». В этой же плоскости располагает свои оценочные суждения и атеизм, с той только разницей, что его основанием является принцип «универсального негативизма», согласно которому все религии по сути своей ложны, а доля истинности в них – незначительна и периферийна. Такой оценочный подход, парадоксальным образом роднящий сравнительное богословие и атеизм, совершенно не приемлем для религиоведения.

Собственно религиоведческая антитеза состоит не в том, что «всякая религия истинна по-своему» или «в каждой религии есть что-то хорошее», а, прежде всего в том, что религия не может быть «истинной» или «ложной», «хорошей» или «плохой», как не может быть «истинной» или «ложной» культура, «хорошей» или «плохой» философия. Эти категории, возможно, соотносимы с некоторыми конкретными суждениями или поступками, но не более того. Задачей религиоведения как учебной дисциплины не может быть навязывание каких бы то ни было мировоззренческих принципов и оценочных установок. Выбор в пользу того или иного способа миропонимания принадлежит к области глубоко личностных и сокровенных решений. Но материал, темы для размышлений, широкий спектр знаний, делающих этот выбор возможным и осмысленным – должен быть предложен в процессе преподавания религиоведения.

Таким образом, различные подходы к изучению религиозных феноменов по-разному позиционируют себя в общей системе образования. Несмотря на то, что религиоведение и сравнительное богословие обращены к одной и той же области человеческой культуры, сферы их функционирования в современном образовательном процессе принципиально различны. Если сравнительное богословие достаточно органично вписывается в образовательный комплекс специальных, конфессионально ориентированных учебных заведений, то религиоведение, на наш взгляд, адекватно соответствует системе светского (как государственного, так и негосударственного) образования.